

жизненного опыта, а С. по-своему — лирически и романтически, причем его романтика проявилась не только и не столько в наполнении некоторых образов (звезды, свет, заря, весна, цветы и т. д.) символическим смыслом, сколько в страстном устремлении лирического героя к идеальному будущему, ради которого он готов пожертвовать собственной жизнью. Идя в бой, идя на смерть, он не кричит: «За Родину, за Сталина!» — а вспоминает «Кедров голубые облака, / Ясную голубизну Сибири», «зарю над Ладогой», «полночь над седой Невой», памятные с детства «леса, поляны, гати, / Алые туманы на заре,— / Те места, где битвы гулкий вал / Белизны слепящей не измял». Идя в разведку, он в мечте вызывает образ «края золотоликого» — свою Сибирь, свою тайгу, причем с живыми подробностями, приобретающими символический смысл: «О неужели, упоен мечтою, / Я вызвал аромат моей страны... / Брусника каплей крови предо мною / Горит у корня срубленной сосны. / С какою дикой радостью приник я / К брусничным зорям, тающим в траве. / Но мне пора. Иду. В глазах брусника, / Как бы далекой родины привет». Перед лицом смерти у лирического героя С. обостряется жажда жизни («**Сочилась кровь, и свет бежал из глаз...**»), чувство любви к женщине («**Теткин ручей**»), чувство вечной, неистребимой красоты природы («**Хоть день один, хоть миг один...**»), «**Цветы, цветы... Как много их...**») и осознание бытийной значимости своей миссии — воина «ради жизни на земле» («**Мы вышли из большого боя...**» и др.). Такими «самыми светлыми в мире» («**Пусть прошлый год злых непогод...**») воинами, идущими на смерть ради жизни «на этом свете» («**Мы вышли из большого боя...**»), являются его фронтовые друзья и товарищи, которым посвящены мн. его стих. Тема фронтовой дружбы, весьма широко представленная в поэзии военных лет, воспета и С. В стих. «**Есть в русском офицере обаянье...**», посвященном полковнику Путилову, сказано: «Он как отец,— и нет для нас дорожке / Людей на этом боевом пути. / Он потому нам дорог, что он может, / Ведя на смерть, от смерти увести».

Поэтическим памятником своим боевым друзьям и самому себе можно считать самое известное стих. С. «**Еще утрами черный дым клубится...**» (1943), посвященное М. Дудину. Т. Хмельницкая, а вслед за ней Ю. Поляков справедливо считают это стих. С. ответом на самое известное стих. М. Дудина «Соловьи» (1942). Такие стих.-пароли,

по которым можно сразу определить своеобразие поэтических голосов их авторов, были у большинства молодых поэтов фронтового поколения. Стих.-пароль С. завершается словами: «Мой милый друг, а все-таки, как быстро, / Как быстро наше время протекло... / Свой добрый век мы прожили как люди — / И для людей». Определение «добрый век» можно посчитать парадоксальным, если отнести его ко всему трагическому XX столетию или иметь в виду только физическую гибель миллионов людей во время войны с фашизмом, но С. говорил не о всем XX столетии, а о «своем добром веке», о «добром веке» лучших людей из своего фронтового поколения, которые творили добро, борясь с мировым злом фашизма, которые умирали ради бессмертия одухотворенной и прекрасной жизни на земле.

Соч.: Слово солдата: стихотворения / вступ. статья Н. Тихонова и М. Дудина. Л., 1954; Звезда, сгоревшая в ночи: Стихи и письма Георгия Суворова. Воспоминания о нем / сост., предисл. и прим. Л. Решетникова. Новосибирск, 1970; Письма Георгия Суворова Леониду Мартынову / публ. и вступ. заметка В. Уткова // Звезда. 1988. № 9.

Лит.: Хмельницкая Т. Слово солдата: [рец.] // Звезда. 1945. № 1; Банк Н. Памяти поэта // Молодой Ленинград: альм.: сб.: 1. Л., 1955; Алексахина И. Слово солдата: [рец.] // Звезда. 1955. № 2; Сурков А. О «Сонетах гнева» // День поэзии. М., 1966; Поляков Ю. Между двумя морями: Книга о поэте. М., «Молодая гвардия», 1983; Поляков Ю. Повесть о поэте Георгии Суворове // Поляков Ю. Соч.: в 3 т. М., 1997. Т. 2.

М. Ф. Пьяных

СУЛЕЙМЕНОВ Олжас Омарович [18.5. 1936, Алма-Ата] — казахский поэт, пишущий на русском яз.

Окончил геологический ф-т Казахского ун-та (1959) и Лит. ин-т им. А. М. Горького (1961). Печатается с 1959. В 1961 опубликовал поэму «**Земля, поклонись человеку!**», посвященную космическому полету Ю. Гагарина. Автор книг стихов «**Аргамак**» (1961), «**Солнечные ночи**» (1962), «**Ночь-парижанка**» (1963), «**Доброе время восхода**» (1964), «**Год обезьяны**» (1967), «**Глиняная книга**» (1969), «**Над белыми реками: Стихи и проза**» (1970), «**Каждый день — утро**» (1973), «**Определение берега**» (1976), «**Трансформация огня**» (1983), «**Преодоление: Стихи и поэмы**» (1987), «**От января до апреля**» (1989) и др. В 1975 в Алма-Ате вышла «книга благонамеренного читателя» «**АЗ**

и Я», посвященная письменным памятникам славянской («Слово о полку Игореве») и тюркской древности. Книга вызвала дискуссию, в ходе которой ее автора обвиняли в дилетантизме, национализме, пантюркизме и антирусских настроениях. (См.: Кузьмин А. Точка в круге, из которой вырастают репей // Молодая гвардия. 1975. № 12; Дмитриев П. А., Творогов О. В. «Слово о полку Игореве» в интерпретации О. Сулейменова // Русская лит-ра. 1976. № 1; Селезнев Ю. Мифы и истины // Москва. 1976. № 3; Лихачев Д. С. Гипотезы темных мест «Слова о полку Игореве» // Звезда. 1976. № 6; отчеты «Обсуждения книги Олжаса Сулейменова» // Вопр. языкознания. 1976. № 9; Вопр. истории. 1976. № 9). Идеологические «ошибки» С. были осуждены в специальном постановлении Бюро ЦК Компартии Казахстана от 17 июля 1976; в 1989, в период перестройки, Бюро отменило свое постановление, а книгу С. было рекомендовано переиздать (См.: «А3 и Я» // Правда. 1989. № 285. 12 окт.).

Становление личности С. как поэта и мыслителя началось в период хрущевской «оттепели», когда в русской лит-ре, особенно в поэзии, наблюдался небывалый ранее творческий подъем. Будучи студентом переводческого отделения Литинститута, С. в это время начинает активно выступать и как русскоязыч-

О. О. Сулейменов

ный поэт; внутренне ему оказались близки такие молодые русские «шестидесятники», как Е. Евтушенко, Р. Рождественский, Б. Ахмадулина и др., особенно А. Вознесенский, родственный ему по своему метафорическому, ассоциативно-историческому поэтическому мышлению. На русскоязычные стихи молодого казаха обращают внимание Л. Мартынов и Б. Слуцкий — видные лидеры поэтического возрождения времен оттепели. Л. Мартынов, еще с омского периода своей жизни и творчества хорошо знакомый с лит. жизнью Казахстана, сопроводил своим напутствием подборку стихов С. в «Лит. газ.» (1959) и написал вступ. статью к первой поэтической книге С. «Аграмки» (1961). Слуцкому понравились слова молодого С.: «Ребята, судите по мне о казахах». По воспоминаниям С., «Слуцкий прочел и попросил: „Подари мне эту строчку“. Я удивился: как же это он использует? А позже прочел в одном из его сборников: „Я о турках сужу по Назыму Хикмету, / Только так и судите народ — по поэту, / Только так и учите язык — по стихам“. Я понял, что не мог бы лучше выразить эту идею. Совершенное свое развитие она нашла в строчках Слуцкого. Если стоит добиваться славы, то только во имя этой цели — чтобы вызвать добрые чувства к своему народу» (Лит. обозрение. 1985. № 4. С. 33).

Достижению этой цели служит все творчество С.— и лирическое, тяготеющее к эпике, и эпическое, историко-философское, имеющее глубоко лирический характер. Центральное место в лирическом эпосе С. занимает своеобразная, необычная по форме и содержанию поэма «Глиняная книга», написанная стихами и прозой, являющаяся, по словам автора, «своего рода научным исследованием, осмысленным поэтически» (Лит. Россия. 1986. № 20. 16 мая. С. 6), и столь же необычная, своеобразная по жанру книга лирической, историко-философской и лингвистической прозы «А3 и Я», в которой, опять же по словам автора, увидена «история глазами поэта» (Правда. 1989. № 285. 12 окт. С. 3). По своему мировосприятию и стилю С. в этих научно-поэтических книгах и во всем своем творчестве предстает как поэт «высокого романтизма» (А. Блок), устремленный к идеалу всечеловеческого братства и духовного единства, при сохранении связи с национальными корнями. Как поэт романтического склада, С. считает: «Поэзия должна быть служением идеалу. Мы должны сохранить идеальное, не путая его с идеалистическим, преодолевая натиск материального в духовно-нравственной сфере» (Лит. Россия.

1986. 16 мая. С. 6). Устремленность к этому общечеловеческому идеалу началась с постижения глубинных взаимосвязей между казахской и русской словесностью, переросшего в постижение взаимосвязей культур Востока и Запада, тюркской словесности и культуры с праславянской и западно-европейской. Учителями С. на его пути постижения общечеловеческого идеала были, по его собственным свидетельствам, и казахские просветители и писатели (Чокан Валиханов, Абай, Махамбет Утемисов и др.), и поэты национальных советских республик, и русские поэты от Державина до Вознесенского. «Мне нравятся поэты разных стилей и направлений... — говорил С. — Всех, кого читаю, считаю в той или иной степени своими учителями. Но главные, неизменные спутники — Маяковский и Блок» (Лит. обозрение. 1985. № 4. С. 34). Каждый из этих двух великих русских поэтов трагического XX столетия был по-своему устремлен к идеалу общечеловеческого братства, ставшего, на свой лад, идеалом и для молодого казахского поэта С., пишущего по-русски. Автору «Глиняной книги», «Голубиной книги» и книги «АЗ и Я» Маяковский и Блок близки также своим гиперболическим метафоризмом и метаморфизмом, позволяющим внутренне связывать отдаленные друг от друга во времени и пространстве события и худож.-мифологические образы различных народов, показывать их внутренние превращения и взаимодействия в ходе исторического развития. Блок вдвоём близок С. своими «Скифами», а также идеей Вечной Женственности, только воспринятой казахским поэтом не в образе мистической Прекрасной Дамы, как у Блока, а в образе мифической древне-восточной богини земли и плодородия Иштор, которая позднее превращается в богиню Изиду, а еще позднее — в христианскую Богоматерь. И совр. женщины, в восприятии С., сохранили бытийную связь с богиней Иштор.

Постигая науч.-поэтическими средствами (главным образом с помощью этимологии) связь совр. духовно-культурной жизни человечества с ее древнейшими мифологическими корнями, С. в сущности создает свою мифологию, свою концепцию дальнейшего духовно-эстетического и культурного развития человечества. В древнейшей Азии, как он считает, существовало религиозно-философское учение — тенгрианство. В юности С. встретил, по его воспоминаниям, старого казаха, который «по-своему исповедовал тенгрианство — одну из древних философий: то, что получил от предков, передай потомкам, не вмешивайся в гармонию природы — ты на

ней такой же гость, как олень или беркут...» Эту древнюю, дожившую до наших дней, типично азиатскую философию, исповедующую пассивное, созерцательное отношение человека к окружающей миру, С. стремится дополнить европейской и русской (наследшей, кстати, выражение в поэзии Блока и Маяковского) философией активной личности, устремленной к действенному преобразованию мира. В связи с этим С. далее говорит: «Я по-прежнему остаюсь преобразователем природы, считая, что ее надо обогащать. Но понимаю и другое. Стоит посадить дерево в степи — и за этим действием последует цепь поступков и превращений: надо напоить дерево, а значит, где-то осушить болото или море... В моем сознании тенгрианство старика соединяется теперь с мировоззрением преобразователя» (Лит. Россия. 1986. 16 мая. С. 6).

Свою мифопоэтическую философию общечеловеческого братства, вырастающую из синтеза древних и новых азиатских и европейских, восточных и западных учений, мифологий и религий, С. развивает в книге «Язык письма...» (1999). О своей утопической идее создания «всемирного правительствa и религии атеизма», основанных на учениях Л. Толстого и М. Ганди, С. рассказал в беседе с О. Осетинским (См.: Лит. газ. 2000. 19–25 янв.). Развиваемая С. идея глобализации духовно-культурного взаимодействия Востока и Запада является одной из альтернатив научно-экономической и военной глобализации, осуществляемой ныне США.

Соч.: Круглая звезда: стихи / предисл. Л. Мартынова. М., 1975; Определение берега: Избранные стихи и поэмы / предисл. Л. Мартынова. Алма-Ата, 1979; Избранное / вступ. статья Е. Сидорова «На мировом кочевье» (О поэзии Олжаса Сулейменова). М., 1986; АЗ и Я: Эссе, публицистика, стихи, поэмы. Алма-Ата, 1989; Возвысить степь, не унижая горы: [беседа с О. Сулейменовым Г. Дильдяева] // Правда. 1989. 27 янв.; «АЗ и Я»: [беседа с О. Сулейменовым Г. Дильдяева] // Правда. 1989. 12 окт.; Язык письма: Взгляд в доисторию — о происхождении письменности и языка малого человечества. Алматы; Рим, 1999.

Лит.: Мартынов Л. Стихи Олжаса Сулейменова // Лит. газ. 1959. 13 июня; Каратаев М. Дым отечества // Каратаев М. Мировоззрение и Мастерство. Алма-Ата, 1965; Молдавский Дм. Степь, стихи и время // Звезда. 1966. № 3; Ровенский Н. Олжас Сулейменов // Ровенский Н. Талант и провинциальность. Алма-Ата, [1967]; Ауэзов Мурат «Предки, в бою поддержите меня...» // Дружба народов. 1968. № 7; Марченко А. Песнь песней или исторический детектив? // Вопр. лит.-ры. 1970. № 9; Гусев В. Национальное и общечеловеческое // Гу-

сев. В. В предчувствии нового. М., 1974; Аннинский Л. «Пройдя сквозь дебри...»: Олжас Сулейменов и его «Глиняная книга» // Аннинский Л. Контакты. Лит.-критические статьи. М., 1982; Зульфикаров Т. Послание Олжасу Сулейменову, поэту, мудрецу, послу Казахстана в Италии // Лит. газ. 1996. 13 марта; Осетинский О. Кво вадис, айналайн? Человечество выживет, если создаст ВСЕМИРНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО и РЕЛИГИЮ АТЕИЗМА — считает Олжас Сулейменов // Лит. газ. 2000. 19–25 янв.; Огнев В. «Великие открытия делают гениальные дилетанты» — так считает Олжас Сулейменов, не впервые бросающий вызов ученым // Лит. газ. 2001. 11–17 апр.

М. Ф. Пьяных

СУМБАТОВ (настоящая фамилия Сумбатов-Соколов) Василий Александрович [25.12.1893(7.1.1894), Петербург — 8.7.1977, Ливорно, Италия] — поэт, прозаик.

Принадлежал к княжескому роду грузинского происхождения, обрусевшему еще при Иване Грозном. Прадед поэта погиб на поле Бородина. Отец, полковник Александр Владимирович Сумбатов-Соколов, погиб 4(17) февр. 1905 во время покушения на великого князя Сергея Александровича. Мать — из семьи графов Соллогубов, по матери грузинка; один из ее прадедов — писатель Владимир Соллогуб.

После учения в частной начальной школе С. с 9 лет учился в кадетском корпусе в Петербурге (1903–05); после смерти отца его перевезли в Москву к двоюродной бабушке графине Н. М. Соллогуб, жившей в собственном особняке на Поварской ул. (знаменитый дом Ростовых). В 1905–14 учился в частной гимназии, где одноклассники наградили его за богатую эрудицию прозвищем Энциклопедия. Был знаком с членами царской семьи, дружил с великой княжной Ольгой Николаевной, посвящал ей свои стихи. Почти каждое лето проводил в имении Светлое. Стихи писать начал очень рано; в автобиографическом романе упоминается, что только за лето в 9-летнем возрасте он написал более 50 стих.

Летом 1914 князь С. отправился вольноопределяющимся на фронт Первой мировой войны. Служил в 88-м пехотном Петровском пехотном полку, после ранения получил чин унтер-офицера. После окончания ускоренных офицерских курсов в Пажеском корпусе — произведен в офицеры, служил в 3-м гусарском Елисаветградском полку Ее Высочества Великой Княжны Ольги Николаевны. Награжден орденом Михаила Архангела, Георгиевским крестом 4-й степени. В сент. 1916

в трудных боях на ковенском направлении С. был тяжело ранен в голову и контужен. Лечился в Царскосельском лазарете, вернулся в Москву. Бывший сослуживец помог ему скрыться от преследования новых властей в гимназии для мальчиков, директор которой Н. А. Веригин принял его в семью. Летом 1918 С. обвенчался с его дочерью Еленой, прошел с ней вместе долгий жизненный путь. Осенью того же года молодые отправились в расположение белогвардейских армий, добрались до Севастополя; там в апр. 1919 родилась их первая дочь Наталья, которую крестили уже на борту парохода, увозившего молодую семью в эмиграцию. После полугодового пребывания на одном из Принцевых островов (о. Халки), где поэт мыл полы в ресторане офицерского клуба, чтоб содержать семью, им разрешили выехать в Рим, где у жены был родственник — священник православного храма отец Христофор.

В Риме Сумбатовы прожили сорок лет (1919–59). В эмиграции С. был дружен с известным русским историком Е. Ф. Шмурло (1853–1934), с основателем партии младороссов герцогом Н. Лейхтенбергским, с философом И. А. Ильиным.

Творческая система С. формировалась в 1910-е, когда громко заявляли о себе символисты. Поэт, безусловно, впитал в себя идеи своих современников, жаждавших преобразования жизни по законам красоты. Духовное совершенство человека, проницаемость земных и небесных пределов, понимание всеобщих связей всего со всем, единство земной и божественной любви, одухотворенность природы — эти цели и мировоззренческие установки были для него не просто близки, но вполне органичны, хотя связями с символизмом творческий метод поэта не исчерпывается. Он любил русскую поэзию XIX в., почитал традиции, но «перепевать» «вечные» темы считал скучным, был уверен в необходимости «из современной каши хотя б по ложке в год хлебать» (РГАЛИ. Фонд № 2294: И. А. Персиани. Ед. хр. 84. Л. 1.).

В 1922 в Мюнхене выходит первый сб. «Стихотворения В. Сумбатова», в который вошли поэма «Без Христа» и стихи о детстве и юности. В заметке под псевдонимом Антар А. М. Ренников писал, что в книге «вылилась бесконечная тоска по покинутой, страдающей родине, духовная боль о ее муках, молитвы о ее возрождении и мечты неясные, но дорогие сердцу о ее прошлом, утраченном ею довольстве и покое» (Новое время. 1922. 8 нояб.). Рецензент подчеркнул, что «автор — любящий Россию русский человек,